

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Елена Довгань

В связи со сложностью современных международных отношений целый ряд имеющихся проблем может быть решен только посредством коллективных усилий государств. Европейский союз (далее — ЕС) может рассматриваться в качестве одного из достаточно успешных примеров такого межгосударственного сотрудничества. Республика Беларусь организует сотрудничество с ЕС в рамках программы «Восточное партнерство», которая является специальным направлением европейской политики добрососедства. В связи с этим исследование статуса источников права ЕС, в том числе изменение имеющейся системы после вступления в силу Лиссабонского договора (далее — ЛД), представляется очень актуальным.

Указанная проблематика недостаточно разработана в науке международного права. В русскоязычной правовой доктрине достаточное внимание уделяется лишь вопросу о правовой силе актов, принимаемых в рамках первой опоры (Европейских сообществ), например в работах М. М. Бирюкова [1], Л. М. Энтина [4], С. Ю. Кашкина [8; 9], Б. Н. Топорнина [14] и др. Анализ актов, принимаемых в рамках второй и третьей опор, посвящено крайне мало работ [6; 12; 15]. Кроме того, несмотря на факт принятия ЛД в декабре 2007 г., ратификации всеми государствами-участниками и вступления в силу 1 декабря 2009 г., до настоящего момента в русскоязычной науке международного права последствия этого практически не исследованы [13].

На сегодняшний день в связи с многочисленностью существующих правовых источников выделяют первичное, вторичное и дополнительное (третичное) право ЕС [4, с. 94–97; 7, с. 15; 8, с. 80–89; 17, р. 58; 33, р. 80–81]. Первичное право включает учредительные документы и принципы права ЕС [4, с. 45; 14, с. 278]. Под вторичным правом понимается совокупность правовых актов, принимаемых органами ЕС в рамках трех опор [2, с. 61; 14, с. 283–284]. К актам третичного права ЕС можно отнести решения Суда ЕС и международные договоры, заключенные ЕС с третьими государствами и межправительственными организациями (МПО). Отдельного внимания заслуживают акты, принимаемые в рамках продвинутого сотрудничества.

Первичное право ЕС. В отличие от иных МПО перечень *учредительных документов ЕС* достаточно широк. К ним относятся все документы, закрепляющие основы функционирования сообществ и ЕС, т. е. помимо учредительных документов, которыми были созданы сообщества (Парижский договор 1951 г., Римские договоры 1957 г.), все документы, которые вносили в них изменения (Договор о слиянии 1965 г., Акт о введении всеобщих и прямых выборов депутатов собрания 1976 г., Единый Европейский акт 1986 г., Маастрихтский договор 1992 г., Амстердамский договор 1997 г., Ниццкий договор 2001 г., ЛД (см. преамбулу ЛД [43], ст. 51 консолидированного Договора о ЕС в ред. ЛД (далее — КВ ДЕС) [21]), все приложения, декларации и сопровождающие их документы, которые являются неотъемлемой частью указанных договоров, включая Протокол о расширении Европейского союза, Протокол о включении норм Шенгенского права в правовую систему Союза, документы о присоединении к ЕС.

Помимо учредительных документов к первичному праву относят общие принципы права, включая правовые обычаи и традиции; принципы международного права; специальные принципы права ЕС [14, с. 282]. (В то же время следует иметь в виду, что данная классификация представляет собой лишь один из возможных вариантов. Например, С. Ю. Кашкин рассматривает принципы европейского права как отдельную категорию, подразделяя их на 5 дополнительных групп [9, с. 104–111].)

Общие принципы права, включая правовые обычаи и традиции, представляют собой, как отметил С. Ю. Кашкин, «исходные начала правового регулирования, которые действуют во всех сферах ведения Союза и присущи другим правовым системам». К ним могут быть отнесены принципы свободы, демократии, уважения прав человека и основных свобод, правового государства (п. 1 ст. 6 Договора о ЕС (далее — ДЕС) [22]), принцип пропорциональности, равенства, правовой определенности, принцип ответственности государств-членов за нарушение принципов ЕС [9, с. 104–107]. Некоторые из них, как, например, концепция защиты прав человека, пришли в европейское право из национальных систем государств-участников [17, р. 14–15].

Автор:

Довгань Елена Фёдоровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Сивец Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора — руководитель Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

Зыбайло Алла Ивановна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

право Европейского союза

международное право

Общепризнанные принципы и нормы международного права как нормы *jus cogens* являются универсальными и обязательными для всех субъектов международного права (ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.), что подтверждается в преамбуле ДЕС и Конституциях ряда государств — членов ЕС (напр., ст. 9-1 Конституции Австрии [10, с. 13], ст. 10 Конституции Итальянской Республики [11, с. 424]).

Специальные принципы Европейского права объединяют большую группу разнородных по своему характеру принципов. Воспользовавшись классификацией, предложенной С. Ю. Кашкиным, рассмотрим отдельно принципы деятельности ЕС, функциональные и отраслевые (*специальные*) принципы [9, с. 108–110]. *Принципы деятельности ЕС* (ст.ст. 2, 6 ДЕС) определяют порядок реализации Союзом имеющейся у него компетенции — принцип законности, принцип гласности, принцип уважения национальной индивидуальности государств-членов, принцип самоидентификации ЕС [9, с. 117–126]. *Принципы отраслевого сотрудничества* слабо исследованы в правовой литературе. С. Ю. Кашкин относит к ним принципы, определяющие правовой режим внутреннего рынка ЕС, принципы экономической системы и экономической политики Сообщества, принцип продвинутого сотрудничества, принципы институционального права, принципы правового положения и уважения прав человека и гражданина и др. [9, с. 125–130].

К *функциональным принципам права ЕС* относятся [7, с. 17–18; 9, с. 108–111]:

- 1) принципы субсидиарности и пропорциональности (принципы предоставления полномочий);
- 2) приоритет норм права ЕС над национальным правом государств-членов;
- 3) прямое действие норм права ЕС на территории государств-членов;
- 4) возможность судебной защиты прав, вытекающих из права ЕС (принцип ответственности государств-членов за нарушение права Сообщества);
- 5) открытость правотворческого процесса в рамках ЕС.

На сегодняшний день право ЕС не является однородным. Изначально функциональные принципы права ЕС относились к праву сообществ, поэтому в доктрине чаще всего делается отсылка к специальным принципам права сообществ, без объяснения, насколько такие принципы распространяются на право ЕС в целом. На наш взгляд, специальные принципы права ЕС применимы и к сотрудничеству государств и в рамках второй и третьей опор. В пользу их универсальности, по мнению К. Ленэртса и Т. Кортхаута, свидетельствует: 1) *de facto* наличие у ЕС международной правосубъектности; 2) необходимость защиты прав отдельных лиц, провозглашенной в качестве одной из основных целей ЕС; 3) приоритет права ЕС в случае

возникновения коллизий между нормами права ЕС и национальным законодательством [34, р. 287, 289–291]. П. Крэг и Г. де Бурка, применяя к сотрудничеству в рамках второй и третьей опор критерии, установленные Судом ЕС в деле *Costa v. ENEL* [28], приходят к выводу, что нормы права общей внешней политики безопасности (ОВПБ) и сотрудничества полиции и судебных органов по уголовным делам (СПСУД), которые создают непосредственные права для физических лиц и являются четко сформулированными и достаточно точными, обладают приоритетом по отношению к нормам национального права государств-членов и непосредственно являются источником прав и обязанностей таких лиц. Прямой эффект (по аналогии с директивами) актов, принимаемых в третьей рамках опоры подтвердил и Суд ЕС в деле *M. Pupino* [26]. ЛД, ликвидируя систему трех опор, распространяет действие принципов субсидиарности и пропорциональности на все сферы функционирования ЕС (п. 6 ст. 3, п. 1 ст. 5 КВ ДЕС, ст. 1 ЛД).

Необходимо подчеркнуть, что специальные принципы права ЕС распространяются на ДЕС как на один из учредительных документов, т. е. часть первичного права. Поскольку ДЕС наделяет ЕС правом принимать обязательные решения в рамках СПСУД, учитывая тенденции развития европейского права (согласно ЛД, ликвидируется система трех опор), направленность прецедентного права Суда ЕС, а также существование в доктрине международного права концепции самоисполнимых норм, для реализации которых не требуется принятия национальных правовых актов, если они достаточно конкретны и создают четкие права и обязанности для физических и юридических лиц, специальные принципы европейского права, включая приоритет по отношению к национальному праву государств-членов и возможность прямого действия или прямого применения в соответствии с положениями ДЕС, применимы также ко второй и третьей опорам ЕС в случае, если они содержат четко сформулированные нормы, которые создают конкретные права и обязанности непосредственно для физических и юридических лиц. Признавая для себя обязательным ДЕС, государства приняли на себя обязательства выполнять положения актов органов ЕС, согласно данному договору. В связи с этим, если государство не обеспечивает осуществление обязательств, вытекающих из обязательных норм вторичного права, оно тем самым допускает нарушение соответствующей нормы ДЕС.

О. Витвицкая и Г. Горниг относят к первичному праву также Хартию основных прав ЕС [2, с. 58], что представляется несколько преждевременным, поскольку Хартия не является одним из учредительных документов Союза и последние не содержат ссылки на нее. Нормы, направленные на защиту прав человека, могут составлять часть первичного права ЕС только в качестве общих принципов права (см. преамбулу и

ст. 6 ДЕС). Со вступлением в силу ЛД Хартия приобретет ту же правовую силу, что и учредительные документы (ст. 6 КВ ДЕС).

Вторичное право ЕС включает акты, принимаемые ЕС в рамках трех опор, международные договоры, заключаемые государствами-членами на основании учредительных документов ЕС, а также Шенгенское право. Согласно пункту 1 статьи 2 Протокола об инкорпорации норм Шенгенского права в правовую систему ЕС [39], до принятия Советом ЕС решения относительно места положений Соглашения о постепенной отмене проверок на границе от 14 июня 1985 г. и Конвенции о применении Шенгенского соглашения от 14 июня 1985 г. от 19 июня 1990 г., а также решений, принятых Исполнительным комитетом, действовавшим в рамках Шенгенских соглашений, они обладают тем же статусом, что и акты, принятые в рамках третьей опоры. Сегодня решения в области Шенгенского права принимаются органами ЕС, например Шенгенский кодекс о границах принят 15 марта 2006 г. в форме регламента.

Все акты вторичного права ЕС должны соответствовать нормам первичного права [14, с. 284]. При этом такие акты исключительно разнообразны. В рамках *первой опоры* органы ЕС принимают: регламенты (некоторыми авторами в русскоязычной литературе используется термин «распоряжение», например [2, с. 59]), директивы, решения, рекомендации и заключения (ст. 249 Договора о Европейском сообществе (далее — ДоЕС) [20]); в рамках *ОВПБ* — совместные действия и общие позиции (ст. 12 ДЕС); для *обеспечения СПСУД* — общие позиции, рамочные решения, решения (ст. 34 ДЕС). Рассмотрим каждый из принимаемых актов подробнее.

Регламенты являются наиболее жестким средством регулирования в Европейском праве. Согласно статье 249 ДоЕС, «Регламент предназначен для общего пользования. Он является обязательным во всех своих частях и подлежит непосредственному применению во всех государствах-членах». Регламент носит абстрактный характер, адресован неограниченному кругу государств и предназначен для непосредственного применения на территории всех государств-членов без имплементации в национальное право [30]. Прямое действие регламентов означает, что они непосредственно создают права и обязанности для физических и юридических лиц и служат основанием для защиты таких прав в национальных судах [36]. При этом говорят об объективном (нормы права ЕС могут рассматриваться в национальных судах) и субъективном (способность актов ЕС создавать права для индивидов) прямом действии [24, р. 270].

Регламенты применяются на территориях государств-участников с момента их вступления в силу (на 20-й день после опубликования, если в регламенте не установлено иное) (ст. 254 ДоЕС). С этого же момента перестаю

вать нормы национального права, которые вступают в противоречие с положениями регламентов, не дожидаясь, когда они будут официально отменены. В решениях по делам *Simmenthal I*, II Суд ЕС отметил, что в силу принципа верховенства права ЕС его нормы препятствуют образованию противоречащих ему норм национального права, которые в силу этого являются недействительными [42]. Оспорить законность регламента или директивы можно в течение двух месяцев после их вступления в силу [4].

Директивы «обязательны для каждого государства-члена, которым они адресованы, в отношении ожидаемого результата, но сохраняют за национальными властями свободу выбора форм и методов действий» (ст. 249 ДоЕС). Директива, как и регламент, носит абстрактный характер, может быть адресована всем либо некоторым государствам — членам ЕС. Директивы, направленные всем государствам-членам, вступают в силу в том же порядке, что и регламенты; иные — после уведомления государств, которых они касаются (пп. 2, 3 ст. 254 ДоЕС).

В доктрине директивы иногда называют «основным инструментом гармонизации» законодательства государств-членов [4, с. 85, 279]. Государства обязаны принять меры по их имплементации и не должны предпринимать никаких действий, которые могли бы воспрепятствовать их реализации. В отличие от регламентов, которые начинают непосредственно применяться на территории государств-членов с момента их вступления в силу и заменяют национальное законодательство, директива устанавливает цель, которую государствам необходимо достичь. Если директива достаточно подробно, государства-члены должны действовать в устанавливаемых ею рамках [5, с. 254; 33, р. 90].

Несмотря на достаточно общий характер, директивы могут создавать права для физических лиц. В отличие от регламентов директивы не обладают «горизонтальным» эффектом т. е. на директиву нельзя ссылаться в спорах между физическими и юридическими лицами. Индивиды могут опираться на нормы директивы для защиты их прав от государства — так называемый «вертикальный» эффект [3, с. 180]. Поскольку отсутствие возможности индивидов защищать свои права, предусмотренные директивами, сдерживало бы развитие европейской интеграции [44] (как видно из практики СНГ, государства часто допускают нарушения международных договоров, включая те, которые налагают на них обязательство предоставить конкретные права физическим лицам, однако последние даже в случае констатации такого нарушения Экономическим судом СНГ лишены возможности защитить свои нарушенные права до тех пор, пока государство не примет соответствующие нормативно-правовые акты), Суд ЕС признал возможность и установил критерии и правовые последствия прямого эффекта директив, в частности:

1) индивиды могут ссылаться на нормы директив как основание защиты их нарушенных прав в национальных судах после истечения срока, предусмотренного для их имплементации (обычно не более 2 лет) [27; 33, р. 151; 44]. В течение этого срока государства обязаны воздерживаться от действий, которые могут помешать реализовать положения директивы (ст. 10 ДоЕС) [32];

2) директивы могут иметь прямой эффект в отношениях между государствами и индивидами в случае, если они содержат четко сформулированные, безусловные, конкретные обязательства [16; 44] или хотя бы возможно определить конечную цель, которую необходимо достичь государствам [25];

3) на директивы нельзя ссылаться по спорам между физическими или юридическими лицами [35];

4) государства не могут не признавать прямое действие директив по искам, поданным против них, если они не приняли надлежащих мер по их имплементации в установленные сроки [27];

5) понятия «государство» и «государственные органы» понимаются Судом ЕС исключительно широко с отнесением к последним органам трех ветвей власти, включая административные органы и органы местной власти [16; 29; 41];

6) суды государств должны интерпретировать нормы национального права таким образом, чтобы способствовать, а не препятствовать достижению целей директивы в соответствии со статьей 10 ДоЕС, не входя, однако, в противоречие с содержанием конкретных и четко сформулированных норм национального права.

Решение «является обязательным во всех своих частях для тех, кому адресовано» (ст. 249 ДоЕС). Решения адресованы конкретным государствам либо физическим или юридическим лицам. Они, как и регламенты, носят обязательный характер и обладают прямым действием [24, р. 509; 33, р. 90].

Рекомендации и заключения не являются обязательными для государств-членов, однако национальные суды могут обратиться в Суд ЕС за толкованием или установлением действительности рекомендованных мер [24, р. 86]. Заключение в большинстве случаев готовится в ответ на заданный вопрос, а рекомендации формулируются органами ЕС самостоятельно [14, с. 290].

Учредительные документы ЕС закрепляют только несколько случаев, когда должны приниматься те или иные виды актов, например принятие директив предусмотрено статьями 44(1), 46(2), 47(1), 52, 94, 96, 132(1), 137(2) ДоЕС, регламентов — статьей 39(3d). В большинстве случаев органы ЕС сами определяют вид принимаемого акта. Особенно актуальным представляется разграничение между регламентами и решениями, поскольку часть 4 статьи 230 ДоЕС позволяет физическим и юридическим лицам обратиться в Суд ЕС с иском, оспаривающим *«решения, которые были приняты персонально в отноше-*

нии этого лица, либо решения, которые хотя и приняты в форме регламента или решения, имеют характер непосредственного или персонального обращения к этому лицу». По мнению Суда, определяющим в части правового статуса акта является его содержание, а не форма (регламент, директива, решение). В противном случае органы Сообщества могли бы избежать возможности обжалования принимаемых актов просто путем выбора соответствующей формы [5, с. 248].

Так, регламент должен быть применимым к конкретным ситуациям, предусматривать меры абстрактного характера, направленные неопределенному кругу лиц либо категориям лиц, определенным в общей и абстрактной манере [18], а не конкретному лицу. Не считается персональным регламент, если в силу того, что конкретными действиями занимается ограниченный круг лиц, он применим только к этим лицам [38]. Физические и юридические лица могут ссылаться на непосредственное применение к ним регламентов, только когда в связи с присущими им характеристиками и в определенных обстоятельствах они отличаются от всех других лиц [19].

Акты, принимаемые органами ЕС в рамках второй и третьей опор. Согласно статье 12 ДЕС, Союз преследует цели ОВПБ путем: определения принципов ОВПБ и ее общих ориентиров; принятия решений об общих стратегиях; принятия совместных действий; принятия общих позиций; укрепления систематического сотрудничества между государствами-членами в проведении их политики.

Принципы ОВПБ и решения об общих стратегиях принимаются Европейским советом (пп. 1—2 ст. 13 ДЕС), который является органом межгосударственного сотрудничества (ст. 4). И. А. Кочин отмечает, что на практике «принципы и основные ориентиры» представляют собой любые значимые заключения Европейского совета, главные принципы, которых придерживается ЕС в отношениях с различными регионами, а не обязательно какие-либо конкретные документы [12, с. 255]. Их правовая сила ДЕС не установлена. Указанные акты представляют собой межгосударственные договоренности, и в случае их воплощения в документарной форме носят рекомендательный характер.

Совет ЕС разрабатывает и реализует ОВПБ путем утверждения совместных действий и общих позиций (п. 3 ст. 13 ДЕС). Согласно статьям 14, 20 ДЕС, **совместные действия** относятся к ситуациям, в которых признаны необходимыми практические действия со стороны ЕС, и являются обязательными для государств-членов как при выражении ими своих позиций, так и при осуществлении действий, в том числе через их дипломатические или консульские представительства, а также представительства при МПО. Отступление от предписанных мер возможно только по решению Совета в случае коренного изменения обстоятельств (п. 2 ст. 14), значительных трудностей при выполне-

нии совместных действий по решению Совета (п. 7 ст. 14) либо по решению государств-членов в случае крайней необходимости (п. 6 ст. 14).

Совместные действия включают:

— поддержку государствами — членами ЕС определенной деятельности в третьих государствах, включая назначение специальных представителей;

— гармонизацию политик государств — членов ЕС;

— обоснование проведения ЕС военных и гражданских операций в рамках становления ОВПБ [12, с. 261–262, 270].

В **общих позициях**, которые представляют собой стратегии или ориентиры по отношению к третьим странам или касаются многосторонних вопросов, определяется политическая позиция Союза по конкретному вопросу географического или тематического характера (ст. 15 ДЕС). Государства обязаны проводить национальную политику в соответствии с принятыми общими позициями (ст. 15 ДЕС), координировать свои действия и обеспечивать защиту общих позиций в рамках МПО и на международных конференциях, обеспечивать претворение их в жизнь через свои дипломатические и консульские представительства в третьих странах и через представительства при МПО (ст.ст. 19–20 ДЕС).

Согласно статье 34 ДЕС, сотрудничество государств в рамках СПСУД в уголовно-правовой сфере обеспечивается путем принятия Советом ЕС общих позиций, рамочных решений, решений и разработки конвенций.

Общие позиции устанавливают подход ЕС к определенному вопросу. **Рамочные решения** во многом сходны с директивами. Они не обладают прямым действием, направлены на сближение законодательства государств-членов и обязательны для них в отношении результата, который необходимо достичь. В любых иных целях Советом принимаются **решения**, которые являются обязательными для государств-членов, но не обладают прямым действием на их территориях. Совет рекомендует государствам-членам принимать разрабатываемые им **конвенции**. Государства могут признать юрисдикцию Суда ЕС выносить решения в преюдициальном порядке о действительности и толковании рамочных решений и решений, а также толковании конвенций (ст. 35 ДЕС).

ЛД, как отмечалось раньше, ликвидирует систему трех опор. Соответственно меняется и система актов, принимаемых органами ЕС. Положения статьи 288 Договора о функционировании ЕС [23, р. 171–172] повторяют содержание статьи 249 ДоЕС. Согласно статье 288 Договора о функционировании, ЕС принимает регламенты, директивы, решения, рекомендации и заключения. Статья 25 КВ ДЕС, регулирующая методы осуществления ОВПБ, несколько отличается от действующей в настоящее время статьи 12 ДЕС, которая предусматривает принятие нескольких видов актов. После вступления в силу

ЛД ЕС должен проводить ОВПБ посредством: 1) определения общих стратегий; 2) укрепления систематического сотрудничества между государствами-членами в проведении их политики и 3) принятия решений, определяющих: акции, которые должны быть предприняты Союзом; позиции, которые должны быть приняты Союзом; действия, которые должны быть предприняты для имплементации указанных акций и позиций. В связи с этим нужно отметить, что использованный в статье 12 ДЕС термин «решения» представляет собой не решение как вид акта, принимаемого органом ЕС, а собирательное понятие, для обозначения любого вида акта, который может быть принят органами ЕС для реализации своих полномочий в рассматриваемой области (регламент, директива, решение, рекомендация, заключение).

Третичное право ЕС. Решения Суда ЕС обязательны для сторон спора и подлежат исполнению государствами-членами (п. 1 ст. 228 ДоЕС) и органами ЕС. Учредительные документы ЕС не закрепляют прецедентный характер решений Суда, но практика показала, что государства и органы ЕС руководствуются ими как прецедентами [5, с. 314–316; 7, с. 13, 15]. Суд ЕС в значительной мере способствовал становлению права ЕС как гибкой и динамичной системы права [24, р. 72], осуществляя преимущественно широкое толкование норм права ЕС и учитывая политические перспективы развития ЕС. В исключительных случаях Суд мог даже проигнорировать терминологию толкуемых документов, например в деле *Parti Ecologiste*, приняв к рассмотрению на основании статьи 230 (тогда 173) ДоЕС дело, касающееся оценки правомерности решения Европейского парламента [37] (согласно ст. 230, Суд ЕС может рассматривать законность актов Комиссии и Совета, но не Парламента).

Международные договоры, заключаемые ЕС с третьими государствами и МПО, являются неотъемлемой частью Европейского права [31, р. 272, 276–277; 40] и должны соответствовать актам первичного права ЕС (п. 6 ст. 300 ДЕС). Такие договоры, по мнению Л. М. Энтина, включают: 1) договоры, заключаемые Сообществами/Союзом с третьими государствами/МПО в сфере исключительной компетенции ЕС; 2) соглашения, относящиеся к сфере совместного ведения ЕС и государств-членов; 3) соглашения, заключаемые государствами для достижения целей Сообщества, если полномочия на заключение такого соглашения были предоставлены государству ЕС [4, с. 87–89]. На практике они чаще всего начинают действовать (в том числе непосредственно) на территории ЕС после принятия соответствующего регламента Советом [14, с. 279].

Концепция **продвинутого сотрудничества** позволяет группам государств — членов ЕС сотрудничать по отдельным вопросам, не прибегая к практике заключения договоров *inter se*. Решение о возможности/необходимости продвинуто-

го сотрудничества принимается Советом ЕС с участием всех государств — членов ЕС. Все вопросы продвинутого сотрудничества разрешаются в рамках органов ЕС, предоставляя, тем самым, возможность всем государствам-членам участвовать в их обсуждении (ст. 44 ДЕС) или присоединиться к продвинутому сотрудничеству (ст. 27Е, 40В, 43В ДЕС). Такие акты могут иметь обязательный характер и в соответствующих случаях подлежат непосредственному применению на территории участвующих в них государств (п. 2 ст. 44 ДЕС). Принимаемые в рамках продвинутого сотрудничества решения и договоры должны соответствовать нормам права ЕС.

В то же время в соответствии с пунктом 1 статьи 44 ДЕС акты, принимаемые государствами в рамках продвинутого сотрудничества, не являются частью права ЕС. Продвинутое сотрудничество в рамках ЕС носит характер исключения (согласно ст. 43А «Продвинутое сотрудничество может быть предпринято в качестве последнего средства, когда в рамках Совета было установлено, что цели, которые перед ним поставлены, невозможно достигнуть в разумный срок путем применения соответствующих положений договоров») и допускается только с разрешения Совета ЕС (ст.ст. 27 С—Е, 40—40В, 43—45 ДЕС), что свидетельствует о стремлении государств-членов сократить до минимума разницу в степени интеграции. В связи с этим предположение (напр., С. Ю. Кашкин) о том, что механизм продвинутого сотрудничества представляет собой совокупность правил и процедур, в рамках которых отдельные государства-члены делегируют ЕС дополнительную компетенцию [8, с. 134], представляется несколько преждевременным.

ЛД содержит практически идентичные положения, регулирующие продвинутое сотрудничество (см. ст. 326 Договора о функционировании ЕС, ч. 4 ст. 20 КВ ДЕС).

Заключение. В настоящее время ЕС является региональной МПО, которая смогла обеспечить возможность сотрудничества в различных областях большого числа государств (на сегодняшний день — 27) и при этом сохранить свое единство. Право ЕС представляет собой автономную правовую систему в рамках международного права, во многом отличную от классического международного права и права классических МПО.

Существующая система источников права ЕС чрезвычайно разнообразна. Она включает в себя как обязательные, так и рекомендательные акты. Практика демонстрирует тенденцию к обеспечению все более тесной интеграции государств-членов в результате расширения сферы предметной компетенции ЕС, расширения случаев принятия органами ЕС обязательных (в том числе обладающих прямым действием) актов, расширительного толкования полномочий ЕС и его органов. Следующим шагом на пути Европейской интеграции стала ликвидация системы трех опор (т. е. более тесное сотрудничество в областях ОВПБ и СПСУД) со вступлением в силу Лиссабонского договора, что значительно упростит систему актов, принимаемых органами ЕС.

В то же время государства стремятся обеспечить единство в развитии ЕС, в том числе путем жесткого регулирования механизмов продвинутого сотрудничества, вовлечения не участвующих в нем государств в процесс обсуждения вопросов такого сотрудничества и побуждения этих государств присоединиться к нему.

Литература

1. Бирюков, М. М. Европейский союз, Европейская конституция и международное право / М. М. Бирюков. М.: Науч. кн., 2006.
2. Витвицкая, О. Право Европейского союза / О. Витвицкая, Г. Горниг. СПб.: Питер, 2005.
3. Глотова, С. В. Прямая применимость (эффект) директив Европейских сообществ во внутреннем праве государств — членов ЕС / С. В. Глотова // Москов. журн. междунар. права. 1999. № 3. С. 175—188.
4. Европейское право. Право Европейского союза и правовое обеспечение защиты прав человека: учеб. для вузов / ред. Л. М. Энтин. 2-е изд. М.: Норма, 2005.
5. Капустин, А. Я. Европейский союз: интеграция и право / А. Я. Капустин. М.: Изд-во РУДН, 2000.
6. Капустин, А. Я. Европейский союз и Устав ООН / А. Я. Капустин // Рос. ежегодник междунар. права за 2001 г. СПб., 2001. С. 246—253.
7. Капустин, А. Я. Международно-правовые проблемы природы и действия права Европейского союза: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / А. Я. Капустин. М., 2001.
8. Кашкин, С. Ю. Введение в право Европейского союза: учебник / С. Ю. Кашкин, П. А. Калинин, А. О. Четвериков; под ред. С. Ю. Кашкина. 2-е изд., исправ. и доп. М.: Эксмо, 2008.
9. Кашкин, С. Ю. Возможность использования принципов права Европейского союза для интеграционных процессов в СНГ / С. Ю. Кашкин // СНГ, Россия и Европа: сб. ст. / сост. А. В. Захаров. М.: Юстицинформ, 2006. С. 103—130.
10. Конституция Австрийской Республики // Конституции государств Европейского союза / под ред. Л. А. Окунькова. М.: НОРМА•М-НОРМА, 1997. С. 11—100.
11. Конституция Итальянской Республики // Там же. С. 423—451.
12. Кочин, И. А. Правовая природа актов ОВПБ ЕС: на примере актов Совета ЕС / И. А. Кочин // Москов. журн. междунар. права. 2007. № 2. С. 252—272.
13. Мещерякова, О. М. Суверенитет государств — членов Европейского союза и механизм принятия решений / О. М. Мещерякова // Юрист-международник. 2008. № 2. С. 61—72.
14. Топорнин, Б. Н. Европейское право: учебник / Б. Н. Топорнин. М.: Юрист, 1999.
15. Энтин, Л. М. Правовые основы внешней политики Европейского союза / Л. М. Энтин // Москов. журн. междунар. права. 2003. № 4. С. 86—116.
16. *A. Foster and others v. British Gas plc*: Case C-188/89; Judgment of the Court of 12 July 1990 // European Court Reports. 1990. P. I-3313.
17. Borchardt, K.-D. The ABC of Community Law / K.-D. Borchardt. Brussels: European Communities, 2000.
18. *Calpak SpA and Societa Emiliana Lavorazione Frutta SpA v. Commission of the European Communities*: Joined cases 789 and 790/79; Judgment of the Court of 17 June 1980 // European Court Reports. 1980. P. 1949.
19. *Codorniu SA v. Council of the European Union*: Case C-309/89; Judgment of the Court of 18 May 1994 // Ibid. 1994. P. I-1853.
20. Consolidated version of the Treaty establishing the European Community // Official Journal of the European Union. 2002. V. 45. C 325. P. 33—154.
21. Consolidated version of the Treaty on European Union // Ibid. 2002. P. 5—32.

22. Consolidated version of the Treaty on European Union (with Lisbon treaty) // Ibid. 2008. V. 51. C 115. P. 13–46.
23. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union // Ibid. P. 47–200.
24. Craig, P. EU Law: Text, Cases and Materials / P. Craig, G. de Burca. 4th ed. N. Y.: Oxford University Press, 2008.
25. *Criminal proceedings against Felix Kapper*: Case C-476/01: Judgment of the Court (Fifth Chamber) of 29 April 2004 // European Court Reports. 2004. P. I-5205.
26. *Criminal proceedings against M. Pupino*: Case C-105/03 // Ibid. 2005. P. I-5283.
27. *Criminal proceedings against Tullio Ratti*: Case 148/78: Judgment of the Court of 5 April 1979 // Ibid. 1979. P. 1629.
28. *Flaminio Costa v. ENEL*: Case 6/64: Judgment of 16 July 1964 // Reports of Cases before the Court. 1964. P. 585.
29. *Fratelli Costanzo SpA v. Comune di Milano*: Case 103/88: Judgment of the Court of 22 June 1989 // European Court Reports, 1989. P. 1839.
30. *Fratelli Variola S.p.A. v. Amministrazione italiana delle Finanze*: Case 34/73: Judgment of the Court of 10 October 1973 // Ibid. 1973. P. 981.
31. Hancher, L. Constitutionalism, the Community Court and International Law / L. Hancher // Diversity in Secondary Rules and the Unity of International Law / ed. by L. A. N. M. Barnhoorn, K. C. Wellens. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1995. P. 259–298.
32. *Inter-Environnement Wallonie ASBL v. Région Wallonne*: Case C-129/96: Judgment of the Court of 18 December 1997 // European Court Reports. 1997. P. I-7411.
33. Kunova, V. Decision-making processes in the European Union / V. Kunova, L. Mokra, M. Siman. Bratislava: University Bratislava, 2007.
34. Lenaerts, K. Of Birds and Hedges: The Role of Privacy in Invoking Norms of EU Law / K. Lenaerts, T. Courthaut // European Law Review. 2006. V. 31. N 3. P. 287–315.
35. *M. H. Marshall v. Southampton and South-West Hampshire Area Health Authority (Teaching)*: Case 152/84: Judgment of the Court of 26 February 1986. // European Court Reports. 1986. P. 723.
36. *NV Algemene Transport- en Expeditie Onderneming van Gend & Loos v. Netherlands Inland Revenue Administration*: Case 26/62: Judgment of the Court of 5 February 1963 // Ibid. English special edition. P. 1.
37. *Parti ecologiste «Les Verts» v. European Parliament*: Case 294/83: Judgment of the Court of 23 April 1986 // Ibid. 1986. P. 1339.
38. *Pflaumann & Co. v. Commission of the European Economic Community*: Case 25/62: Judgment of the Court of 15 July 1963 // Ibid. English special edition. P. 95.
39. Protocol integrating the Schengen Acquis into the Framework of the European Union (OJ 1997 C340/92-114) // Blackstone's EC Legislation 2004–2005 / 15th ed. by N. Foster. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 109–112.
40. *R. & V. Haegeman v. Belgian State*: Case 181/73: Judgment of the Court of 30 April 1974 // European Court Reports, 1974. P. 449.
41. *Sabine von Colson and Elisabeth Kamann v. Land Nordrhein-Westfalen*: Case 14/83: Judgment of the Court of 10 April 1984 // Ibid. 1984. P. 1891.
42. *Simmmenthal S.p.A. v. Amministrazione delle Finanze dello Stato I, II* [1976, 1979]: Case 35/76, 92/78 // Ibid. 1979. P. 777.
43. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007 // Official Journal of the European Union. 2007. V. 50. C 306. P. 1–146.
44. *Yvonne van Duyn v. Home Office*: Case 41/74: Judgment of the Court of 4 December 1974 // European Court Reports. 1974. P. 1337.

«К вопросу о статусе источников права Европейского союза» (Елена Довгань)

Настоящая статья посвящена анализу системы источников права Европейского союза, включая первичное, вторичное и дополнительное (третичное) право. В рамках первичного права автор очерчивает круг учредительных документов ЕС, рассматривает их статус и правовую силу, а также определяет влияние принципов международного права и специальных принципов европейского права на систему права ЕС.

Система источников вторичного права ЕС чрезвычайно разнообразна. Значительное внимание уделяется правовому статусу актов, принимаемых органами ЕС не только в рамках первой опоры, но также в области совместной внешней политики и политики безопасности, сотрудничества полиции и судебных органов по уголовным делам.

В статье также исследуется так называемое дополнительное, или «третичное» право ЕС, определяется, например, правовая сила и роль решений Суда ЕС в формировании европейского права. Автор рассматривает современные тенденции развития права ЕС, в том числе те изменения, которым подвергается вся система источников после вступления в силу Лиссабонского договора, изменяющего Договор о Европейском союзе и Договор, учреждающий Европейское сообщество.

«Towards the Issue of the European Union Law Sources States» (Elena Dovgan)

The article presents an overview of the sources of the European Union law, including the primary, secondary and supplementary law. Within the primary law the author considers the scope, status and legal force of the EU establishing treaties and determines the impact of the international law principles and special principles of the European Union on the EU legal system.

The EU system of law includes a range of different acts. Attention is paid to the legal force of the acts taken by the EU bodies not only within the first pillar but also in the realms of common foreign and security policy and police and judicial cooperation in criminal matters.

Another matter of focus is the supplementary or tertiary law of the European Union. The author considers for example the legal force of the decisions of the European Court of Justice and the impact of these decisions on the development of the EU law. The article also analyses contemporary challenges and tendencies in the EU legal system as well as amendments in the sphere brought on by the Lisbon Treaty amending the Treaty on the European Union and the Treaty Establishing the European Community.

Статья поступила в редакцию в декабре 2009 г.